

Романтика поиска

Т Е А Т Р

Талантливый прозаик Махмуд Ибрагимбеков написал свою первую пьесу «Мезозойская история». Малый театр осуществил ее постановку.

На первый взгляд, пьеса продолжает цикл произведений, посвященных сугубо производственным проблемам. Герои ее «оживляют» отработанные нефтяные скважины, ищут «черное золото» в глубоких мезозойских пластах, управляют сложным морским нефтяным промыслом. Однако за обычным сюжетом мы явственно ощущаем серьезный нравственно-философский смысл произведения.

Один из героев «Мезозойской истории» — Бадиров, управляющий промыслами. Элегантный, знающий себе цену, поставивший собственное благополучие целью жизни. Вежливую самоуверенность Бадирова хорошо передает артист Г. Карнович-Валуа. Другой герой — Таиров, ученый-исследователь, в течение десятка лет пытающийся пробиться к глубинам мезозойской нефти. Человек, одержимый научной идеей, живущий на пределе своих творческих, духовных сил. В. Носик строит эту роль на контрасте между невзрачной, прозаической внешностью и высоким внутренним духовным горением своего героя.

Бадиров и Таиров — два нравственных полюса и вместе с тем два своеобразных ориентира для молодого поколения нефтяников. Удачливый, веселый, практичный помощник бурового мастера Рауф (артист А. Локтев) во всем равняется на Бадирова. Заканчивать институт, выстроить квартиру, взять в жены свою красивую невесту Нармину, а главное — быть поближе к начальству, что еще надо человеку для счастья? В постоянном споре с Рауфом (а порою и с самим собой) инженер Заур (его играет А. Потапов). Он в поиске и ничего не хочет брать на веру. Встреча с Таировым и гибель этого выдающегося ученого (сердце не выдержало) определяют в конечном итоге выбор Заура: он решает посвятить себя служению той далекой цели, которой не достиг Таиров.

Высшим судьей и подлин-

ным мерилом истины в нравственных схватках героев пьесы, то открытых, то тающихся под покровом дружеских и служебных отношений, становится в спектакле старый бурильщик Сабир. Он спасал нефтяные промыслы в годы войны. Он первым в свое время вышел в море, чтобы и там вести добычу нефти. Для Сабира труд и поиск — неразделимы, и потому в душе его живет романтика свершений молодости. И еще именно поэтому ему скучно стало работать под руководством Бадирова, этого образца «умеренности и аккуратности». И. Ильинский окрашивает раздумья старого мастера потками хитрой усмешки, порой иронии. Но через все это пробиваются высокие порывы его души, чистота и принципиальность. В финале, когда Сабир говорит зрителям «об удивительных людях, благодаря которым и происходит на свете все хорошее», интонации его приобретают патетический накат.

Первый вариант пьесы молодого драматурга в Малом театре претерпел значительные изменения. Постановщик спектакля Б. Равенских вместе с режиссером В. Бейлисом, художником В. Ворошиловым, композитором Поллодом Бюль-Бюль стремился преодолеть повествовательную манеру автора, обожать нерв действия, более четко определить расстановку борющихся сил. На этом пути сделаны приобретения, хотя не обошлось и без потерь. Обобщая, «крупные образы, театр оставил за бортом спектакля ряд психологических мотивировок, определявших развитие характеров. Сюжет движется иногда как бы толчками, взрывается неожиданными.

Нам понятна режиссерская «стратегия» такого мастера, как Б. Равенских. Он хотел увести спектакль от прозы обыденности, от производственного технологизма, от многословия, которое действительно поначалу сильно мешало пьесе, от чрезмерной приземленности, в конце концов. Увести в сторону образ-

но-поэтических обобщений и тем самым в сторону более острого и принципиального обнажения драматургического (и жизненного) конфликта, заложенного в пьесе. Думается, что это намерение режиссера в основном себя оправдало. «Мезозойская история» действительно предстала перед нами прежде всего как разговор о людских судьбах, о цели и смысле жизни, о призвании человека, о творчестве как сущности и важном признаке повседневного труда.

«Необходимо... чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мешанской, мелкобуржуазной психологии», — сказал в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев. На наш взгляд, всем своим строем спектакль Малого театра направлен именно против этих возможных рецидивов мешанской, мелкобуржуазной психологии.

Для выявления существенного в драматических коллизиях пьесы мобилизованы все впечатляющие средства сценического искусства. Беспоконное море, мастерски показанное с помощью кинопроекции, стало не просто фоном действия, а образом спектакля. Буровая вышка, многократно спроектированная светом на задник, приобрела еще необычный для постановок «производственных» пьес поэтический символ — символ стремлений человека к высотам духа. Поднимаясь на эту вышку, Таиров произносит монолог, ставший своего рода завещанием: «Необходимо понять, что ты сделал все, все, что мог, на полнейшем своем пределе!.. Только он, этот предел, определяет, что из себя представляет человек». Привлекает музыка к спектаклю. Мелодии, полные раздумчивой лирики, а иногда и танцевальных ритмов, вдруг переходят в музыкальную имитацию напряженной энергии труда, пробивающегося к тайнам природы, а затем — в

звуки морского прибоя. Все это создает те эмоциональные взлеты, те контрастные сопоставления мыслей, чувств, стремлений, на которых строится спектакль.

Постановка Б. Равенских носит, бесспорно, поисковый характер. Режиссер ищет синтез различных выразительных средств для передачи своего замысла. Его фантазия неистощима. В своем стремлении к эмоциональным нагнетаниям он не знает, кажется, устал. Конечно, на таком пути постановщика подстерегают и трудности, и промахи. Иногда, например, на авансцену выносятся в крупным планом показываются второстепенные моменты (скажем, объяснение между Рауфом и Нарминой). А носитель основной идеи спектакля — Таиров — все время будто в тени, где-то на втором плане.

Спектакль сразу после премьеры стал предметом горячей дискуссии, что само по себе уже говорит о его незаурядности. Можно слышать порою рассуждения о несоответствии характера постановки традициям Малого театра. Излишне напоминать о том, что творческие традиции живут в движении, в развитии. Хорошо, когда театр имеет свое творческое лицо. Плохо, если это лицо застынет в неподвижности.

«Мезозойская история» напомнила мне спектакль «Глубокая разведка» А. Крона, созданный М. Н. Кедровым тридцать три года назад на сцене Художественного театра. Там речь тоже шла о нефти, хотя существо пьесы и спектакля было направлено на «разведку» характеров, формирующихся в социалистическом обществе. Вполне возможно, что в поисках сценической формы для «производственной» пьесы новый спектакль Малого театра станет такой же заметной вехой, какой оказался в конечном итоге «производственный» спектакль МХАТа в начале 40-х годов.

Глубокая разведка нравственных проблем и сценических характеров продолжается. И это — главное.

А. СОЛДОВНИКОВ.